

Людмила ШАРГА

Зима тревоги нашей

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Пишу письмо

Улыбаюсь солнечному январскому дню. Да и как не улыбаться. Снег поскрипывает. Мороз небольшой, градуса три — четыре. Воздух полон синевы и света. Вот интересно, смогла бы я жить там, где нет зимы в привычном моём понятии? Где сезон жары сменяет сезон дождей, а о снеге знают только понаслышке. Говорят, человек ко всему привыкает. Привыкла бы и я. Но тоска одолевала бы меня всё чаще и сильнее, пока, наконец, не свела бы в могилу. От тоски умирают. Я знаю это. Умирают без... ..жертвенных осенних костров, превращающих золото в золу. ...влажной горчинки палой листвы и утренной летучей паутины. ...осевшего рыхлого снега и чёрных обнажившихся вдребезги проталин. ...пряного дурмана цветущих садов и разнотравья. Без крещенских морозов, метелей и таких снегопадов, какой был вчера. Без всего этого можно обойтись, наверное, и жить спокойно, размеренно, однообразно и пусто.

Нарочитое и наносное уходит. Сползает, как пересохшая луковая шелуха, не оставляя следов и шрамов. Значит, пришло время. Или я пришла. Раньше старалась бы из последних сил не сорваться и на праздный вопрос «как дела?» не рассказать всё как есть об этих самых делах, будь они неладны. Но есть и такое, о чём случайным людям лучше не знать. А такие люди случаются с каждым и есть у каждого. Более того: мы сами, возможно, являемся такими «халифами на час» для кого-то. Забываем о ком-то и сетуем, что о нас забывают. Ходим по кругу и не можем ни разомкнуть его, ни сойти. Новые связи возникают отнюдь не для души, нет, чаще всего для тела и дела, и растёт пустота, и молчать страшно и не о чем, как и говорить. Пустословить разве что. Переливать из пустого в порожнее. Потому и хочется сбегать тех, кто всегда рядом, в радости и в печали. Расстояние в данном случае не имеет значения. В другой стране, на другой планете, в другом измерении — можно быть где угодно. Можно вообще не быть и всё равно быть рядом. И говорить ничего не надо, можно просто молчать. Это оно, то самое молчание, которое золото и на вес золота ценится. Неслучайным людям ни о чём рассказывать не надо. Они и так всё о нас знают. С ними легко молчать. Легко и не страшно. А когда настанет время для задушевных бесед, можно говорить обо всём, что радует, и печалит, и болит. В родных голосах столько тепла и любви, что с лихвой хватит до следующих Нового года и Рождества, а то и до следующей жизни, чтобы прийти в неё была самая что ни на есть веская, единственная из всех причин, первопричина — любовь. На мониторе крутится виртуальная открытка, прилетевшая с благословенных берегов Невы, крутится и вселяет надежду.

Человек, приславший её, знает обо мне и о моих скитаниях всё и не задаёт лишних вопросов. К чему я это?... К тому, что радуюсь, как ребёнок, нажимаю нужные клавиши, зажигаю свет в доме, и выхожу в заснеженный сад, и знаю, что когда-нибудь всё так и будет. Не верю, а знаю. Между верой и знанием множество различий. Событие сегодняшнего вечера для меня суть знание. И никаких доказательств. Родился, был и есть. В Сочельник вспоминаю далёких и близких друзей.

Пусть у них будет всё необходимое, всё, что им действительно нужно. Не больше и не меньше. Ничего лишнего. И только любовь пусть будет в избытке. Пусть загорятся свечи вслед за первой звездой. Пусть будет мир, достаток, тепло, лад и уют в доме, и самое главное — пусть будет дом, чтобы было, где всему этому быть.

Первые дни новолетия особых следов не оставляют. Сочельник затеплился серебряной тонкой свечой, осветил самые тёмные уголки души, и чуть меньше стало сомнений и тревог. А... может, и не меньше. Просто их бремя не так ощутимо в свете далёкой голубой звезды. Много лет тому назад, в самый канун Старого Нового года, со мной случилась невероятная история. Прошлогодний снег, выпавший в последний вечер уходящего года, что, кстати, не такая уж и редкость для наших мест, успел подтаять, замёрзнуть, снова подтаять и превратился, наконец, в привычную серую зернистую кашу. На город опустелись зимние сумерки, за ними — дымящимся шлейфом — густой туман, вобравший в себя всё живое: звуки, голоса, эхо шагов, время. За туманом притаилась неизвестность. Кадры немого кино смешались с реальностью.

Уличные фонари оплывали радужными волнами. Спящие деревья грезил о молодом лете, и в полудрёме казалось им, что лето никуда не исчезало. Им снились тёплый ветер, свежая, клейкая ещё листва, суетливые птицы... шум внезапно налетевшего дождя... Море дышало легко и размеренно. Трамвай вынырнул из неизвестности, покачиваясь, проплыл мимо и вернул меня в январский вечер. На развилке у кирхи трамвай замедлил ход, завис на мгновение и исчез. Тогда-то я и увидела два танцующих силуэта. Музыка доносилась из неизвестности. Играл менуэт. Ни души вокруг, кроме моей собственной, и танцующие юноша и девушка, полупрозрачные, полупризрачные. Фантомы, тени живших когда-то здесь, в старинных домах на уютной улице? Мелодия приближалась. Я уже могла расслышать флейту. Из влажной клубящейся взвеси соткалось имя: Анна Магдалена. Возможно, так звали девушку? Я произнесла имя вслух. Ещё один трамвай появился из сумеречной неизвестности, проплыл мимо и прозвенел что-то своё, привычное и переливчатое. Музыка стихла. Шуршали машины, где-то вдалеке слышался лай собак. Жалобно и вопрошающе мяукала серая кошка на карнизе. Развилка была пуста — танцующие силуэты исчезли. Осталась лишь неизвестность, став ещё более похожей на неизбежность.

О печали и радостях. Крещенское

Я ждала её пробуждения к Рождеству или к Старому Новому году. Она спала. Выстрелила цветонос в середине декабря, порадовала, обнадёжила и уснула. И лишь позавчера первые два бутона ожили и потемнели. Значит — в Крещение? Снег идёт вторые сутки и успел замести наш маленький дворик, улицу, и весь город теперь в снежном плену. Всё повторяется. Крещенский Сочельник, январь, заснеженный двор, убаюканный метелью город и пробуждающаяся орхидея на оттаявшем окне.

Давно дружу с численниками — отрывными календарями. Утром сорвать листок с вчерашним днём, поддержать его в ладонях, запомнить и отпустить. — Желаю вам в новый год взять только хорошее. А всё плохое пусть в ушедшем году остаётся. Телефонный звонок — шестой или седьмой по счёту за утро. Обычное поздравление, хорошее, простое. От чистого сердца. Мне бы поблагодарить, бросив в ответ: ивамтогоже. Не смогла. — Всё останется со мной — и плохое, и хорошее. Потому что моё и часть меня. На «духовную кастрацию» не согласна. — И я не согласна. Я — это я. Со всеми плюсами и минусами. — Что же вы тогда... Зачем? — Сам не знаю. Все так говорят, вот и я. Сплошной позитив кругом.

Вполне нормальная реакция на... обложной "сплошной позитив". Вернее, на перебор «позитива» искусственного, внешнего, показательно-показного. Все эти практикующие психогугу, рассказывающие о правильных поступках, мыслях и реакциях, по крайней мере, неискренни, если не лживы и лицемерны. Смотрю на великое множество высокоморальных, духовных, мыслящих позитивно, идеальных человек, и думаю о собственном несовершенстве, и задаюсь вопросом: «Откуда берётся столько нелюди?..» Что ж. Одни радости вкушать — недостойно, как говаривал папенька одной из героинь любимого фильма. Трудность в том, чтобы не разучиться видеть радость и свет за печалью и скорбями. А радости в эти дни много. Настоящей, не вымученной и созданной усилием выхолощенного сознания. Как крещенского снега у ворот. Что-то такое происходит в эти дни, что-то особенное. Независимо от сознания, позитива, веры и неверия. Само по себе. Как самое обыкновенное чудо.

Наша нынешняя гостыя-ёлочка, а точнее — пихта, собранная из веточек, растрёпанная и смешная, оказалась невероятно стойкой. Безо всяких подкормок и подпиток в виде воды с сахаром и аспирином, песка и прочих ухищрений для продления иллюзии жизни. Вместо ствола у малютки — толстая пихтовая ветка, а в основании — спил, тоненький деревянный кругляш, остро и пряно пахнущий смолой. Она радовала нас целых три недели, не уронила ни иголки. Я проходила мимо таких «сборных ёлочек», уверенная, что они начинают сыпаться ещё по дороге с ёлочного базара. Оказалось, зря. Прощай, малютка-пихта. Святки закончились. Серебряная звезда, пять снежинок из бисера, два ангела — весёлый и печальный — отправились отдыхать до следующего Сочельника, до следующего Нового года. В Рождество все немногo волхвы. Вот я и добралась, наконец, до подарков, многие из которых не успела открыть и за которые не всех успела поблагодарить. Их много, они разноцветные и разные, как и моё сегодняшнее настроение. Радуюсь, печалюсь... удивляюсь. И благодарю. Волхвы принесли дары младенцу Иисусу, и с той поры люди дарят друг другу подарки в эти дни. В довольно нежном возрасте, услышав от бабушки предание о волхвах, вообразила себя именно Мельхиором, потому что он был знакомым. Своим. Колючек с лунным камушком, носимое мной "и в пир и в мир", было мельхиоровым и любимым. Стараюсь и я одарить родных и близких моему сердцу, чем могу. Любью, теплом и радостью — прежде всего. Существует такой круговорот даров в природе. Одни уходят сразу, другие — в течение двух-трёх недель. Есть и такие, которые остаются по самой простой из всех причин: они в а ш и.

Как браслет, в одной из бусин которого спит мой сон, о котором я расскажу чуть позже. Как вечерний светлячок, поселившийся в синем подвесном фонарике на окне. Как маленький ангел, живущий у меня давно и ставший позавчера подвеской. Как этот серый палантин. В него можно закутаться полностью, и стоять у окна, и чувствовать, как сгущаются январские сумерки, и видеть далёкий тёплый дом и заснеженный сад, и знать, что там живут дорогие моему сердцу люди. Они давно ждали этот снегопад, а значит, снег будет идти всю ночь, и всё утро, и весь следующий день. Он нужен нам. Не меньше, чем тепло и свет. Не меньше, чем солнце.

Шёлк и шиншиля

Как понять, что вот эта душа — родная твоя, а та — так себе, а эта и вовсе чужая, скользкая и холодная? Родство по крови в данном случае значения не имеет. Родственников, как известно, не выбирают. Кого получил при рождении — с тем и ступай по жизни. Родство по духу определяется исключительно собственным выбором. Иногда случается, что родство по крови и по духу совпадают. Редко, но случается. В большинстве же случаев мы учимся принимать родство по крови, не ропща, смиренно, как должное. Усваиваем ли самый нелёгкий урок? Увы, далеко не всегда.

Снилось солнечное затмение. Тьма пришла не со Средиземного моря, а откуда-то издалека. Извне. Тьма была наделена разумом, не иначе, и настойчиво пыталась заглянуть мне в глаза. Я изо всех сил старалась не смотреть, отворачивалась и прикрывала лицо ладонями. Закопченного стёклышка у меня не было, тёмных очков — тоже. Вот и выглядывала из какого-то незнакомого высокого окна, не отнимая ладони от глаз. Боялась. Выглядывая из чужих окон, всегда попадаешь в чужое и, как правило, чужое тебе пространство. Потом оказалось, что никакой тьмы нет, как нет и незнакомого окна, и неоткуда выглядывать, и бояться, стало быть, нечего. А тогда... Тогда была зима две тысячи восьмого. Виртуальные посиделки, задушевные беседы и милый трёп на одном из сайтов. Развиртуализация не сулила ничего страшного, да и вообще — ничего не сулила. «Ну что я, Москвы не знаю, что ли...» — утешала я себя, как могла, поскольку ехала, по сути, в никуда. С Киевского вокзала — на метро — с огромной сумкой и на высоченных шпильках (провинциальная дура) лечу в Гранатный. — Марина? — пискнула робко и неуверенно, увидев элегантную даму, вошедшую в вестибюль. Где-то там, под высоченными потолками ЦДА, ещё живёт мой пискен. Таял тёплый московский декабрь, очень похожий на декабрь одесский. Был вечер, положивший начало многим вечерам и встречам. В последний приезд роскошным подарком от Нади (одним из...) станут билеты в «Современник» на «Осеннюю сонату» по Бергману. Марина, словно факир, извлекла из недр сумочки неземной красоты браслет и водрузила его на моё запястье, утопавшее в чёрных шелках. — Чтобы твои красивые руки стали ещё красивее. Из Испании. Что это на тебе? — Шёлк. — Какой ещё шёлк! Обнажайся. Перед этим я битый час выпрашивала у Нади, что теперь принято надевать в театр. — Всё демократично, — заверила Нада, — тем более что не премьера, да и день будний. Но если есть настроение надеть шёлк и бархат, почему бы нет? — Укутать сердце в шёлк и ш и н ш и л я... Ш и н ш и л я у меня не случилось, миловал Господь, а вот блуза чёрного шёлка имела.

Январь — февраль, 2016 г.